

Гость "ВК"

В Большом театре он, начиная с 1943-го, поставил сорок опер; в итоге был изгнан в начале 80-х. Много поставил и в других городах и странах, а ценнейшее, то, что нигде больше не идет, — в Московском камерном музыкальном. Это такие оперы, как, скажем, "Ростовское действо", написанное митрополитом Димитрием Ростовским, или "Дворянское гнездо" В. Ребикова, а "Нос" Шостаковича играют 23 года тем же составом, который репетировал еще при самом Дмитрии Дмитриевиче... Сегодня народный артист СССР и России, лауреат Ленинской и Государственных премий, профессор ГИТИСа Борис ПОКРОВСКИЙ — гость "Вечернего клуба".

Борис ПОКРОВСКИЙ:

Веч. клуб - 1995. - 6 апр. - а 5

«Мне всегда хотелось видеть не ряженых певцов, а живые характеры»

— Как вы считаете, Борис Александрович, что должен оперный режиссер уметь прежде всего?

— Услышать действие и перевести музыкальную партитуру в театральное событие. А если вы спросите, что я больше всего люблю, отвечу: репетировать.

— Кто для вас величайший образец певца?

— Шалаяпин. Вы думаете, он певец, актер? Нет. Он величайший Художник. Он не готовил партии, как говорят обыватели, он готовил Роли, Образы. Утверждал, что главное в пении — интонация, окраска звука. Персонаж умирает — один звук; любит — другой; ненавидит — третий... Большинство наших солистов поет одним звуком, а окружающие восхищаются: "Какой ровный звук, словно флейта, словно скрипка!" Извините, но флейта и скрипка уже натурально существуют. Человеческий голос — особый инструмент. Увы, у немногих певцов я слышу изменение характера, развитие личности, естественное состояние духа в предлагаемых обстоятельствах.

— Наверное, вы с малых лет тянулись к пению, может, и к режиссуре?

— А вот и нет. Малышом я ходил в церковь, более того, там служил. Меня даже благословил патриарх Тихон. Это было главным для меня — до 10 лет. Однажды отец, заведующий трудовой школой, которому "предложили спасти" сына от церкви, взял мне билет в Большой театр. Побывав там, я перестал ходить в церковь. На исповеди признался в этом дедушке-священнику, и он сказал: "Грехи твои отпускаются, Большой театр — тот же Храм духа нашего".

— И вы ступили на музыкальную стезю?

— Нет еще. Я с детства занимался музыкой, но пошел в фабзавуч, учил химию, математику. Был рабочим на дорхимзаводе, аппаратчиком 5-го разряда. Направили меня, передовика, в Институт химии имени Менделеева; на первой же лекции я понял, что это не для меня. И двинулся в ГИТИС. Вступительные экзамены сдал шикарно, а когда в комиссии узнали, что отец учитель, а сам я рабочий (такая анкета!), то просто ахнули. Юрий Завадский, принимавший экзамены, воскликнул: "Какой там еще конкурс? Немедленно зачислять!"

— Вы считаете Завадского своим учителем?

— Нет, он просто хорошо ко мне относился. Я учился и у Станиславского, и у Мейерхольда, и у многих режиссеров, хотя, к примеру, со Станиславским виделся лишь несколько раз. Дело не в учителе, а в ученике. Своего друга-однокашника по ГИТИСу Георгия Товстоногова однажды спросил, чей он ученик. Гога ответил: Лобанова. Лобанова слушали многие, но кто слушал его лучше и тоньше, чем Товстоногов?

После ГИТИСа меня направили режиссером в Горьковский оперный. Там и застала война. Военнообязанный, но "необученный", явился я в военкомат. Немедленно был зачислен "в производство", но не успел парикмахер обрить мне полголовы, как вызывают в штаб округа: "Вы что, спятили? Ваше дело — мобилизовать людей искусством, они на фронт идут! А не становиться легкой мишенью для фашистов! Вы ведь воевать-то не умеете!"

Поставил несколько героических опер и снова попал под разнос: "Не учите героев героизму! Дайте им ощущение той жизни, ради которой они идут на смерть! Ставьте веселое: "Сильву", "Марицу", "Холопку". Мудрый урок. На те спектакли приходили только парни во френтовой одежде, кому завтра предстояло быть на передовой.

В 43-м меня вдруг правительственной телеграммой вызвали в Москву. С частью коллектива Большого театра — основная труппа эвакуировалась в Куйбышев — я поставил в здании филиала (само здание Большого было повреждено фашистской бомбой) оперу Кабалевского "В огне" — о том, что как раз в эти дни происходило на фронте. Так и стал режиссером, а несколько позже и главным, Большого театра.

— Борис Александрович, есть ли среди множества опер одна, имеющая для вас особый смысл и значение?

— "Хованщина" Мусоргского. Образ вечной русской трагедии.

— Можно что-нибудь узнать о вашей семье?

— Я не раз объяснял это в печати. Ну если настаиваете... Женат дважды. Первая жена Анна Некрасова ныне режиссер Российского молодежного театра; сейчас вместе преподаем в ГИТИСе. Сын Саша — концертмейстер консерватории, пианист. Он женат на Нине Фоминой — это солистка Большого. Знаете?

— Еще бы!

— Дочка моя Алла, теперь ужеродная артистка и профессор, играет в "ременнике".

— Ну? Эта чудесная Алла Полевская, которую так любят зрители, — ва дочка?

— А что, у меня не может быть собственной дочери?... Внук тоже ничего: Ишхазаремов, теперь актер МХАТа.

— Он только недавно был гостем "Вечернего клуба"!

— "Обошел", значит, деда... Езобятышки — мои правнуки и, кажется, перст некоторые музыкальные надежды.

— Простите, пожалуйста, мы сказали: "первая жена"...

— Вторая — народная артистка Ина Масленникова.

— О! В "ВК" не так давно было опубликовано интервью с актрисой театра оперетты Лилией Амарфий. Она говорила, что голос ей в свое время буально спасла Ирина Ивановна.

— Ирина была женой Лемешева, я некогда ставил оперу в Питере и привеснилки. Сергей Яковлевич увидел эти смски и спросил про одну актрису: "Кто это?" бьясняя: Вера Кудрявцева, высокого класса солистка. Он помчался знакомиться — и энился на Вере. Тогда Ирина вышла за мя. Ее дочь Маша Лемешева поет в моем Камерном музыкальном. Она и мне дочь.

— В свое время вас "ушли" из ольшого. Откуда взялись душевные илы создавать новый театр?

— Из Большого меня выгнали под нпором группы звезд. Они рассматривали сьну Большого как трамплин к гастролям за рбежом: Леонкавалло, Массне, Масканы. И се

пременно вмешается в репетицию и станет поучать. Разница между гениальными и заурядно неумными людьми: вторые все время вносят замечания и предложения; у них обо всем особое мнение. У Прокофьева или Шостаковича "своего мнения не было" по поводу того, как я ставлю их оперы: они уже все "свое" сделали, теперь мое дело — правильно прочитать их замысел.

— Вам не хотелось надолго, может быть, навсегда уехать за границу?

— За рубежом я очень много работал, работаю и, вероятно, буду работать, пока есть силы. Но мне непременно нужно вернуться домой. И знаете, почему? Шалаяпин уехал за границу и за все годы, потрясая мир своими образами, не создал ничего нового. Рахманинов, великий композитор и пианист, гениально обрабатывал, допустим, музыку Паганини, но все, что великого он создал, родилось в России. Мы страна и люди "с придурью", но мы тот, извините, навоз, то есть удобрение, на котором вырастают прекрасные цветы. У Мусоргского не было никогда ни своего дома, ни жены, ни детей, но никто на свете лучше него не написал "Детскую": в ней — детская душа, чудо!

— С кем еще из людей, чьи имена принадлежат истории, вам доводилось общаться?

— Уже говорил, что виделся со Станиславским. Однажды, когда он был уже сильно болен, не выходил из дому, меня привели к нему, и он говорил со мной целый час. Причем сказал: "Тот, кто сегодня учится у меня, завтра уходит, уверенный, что отныне он мой ученик; но завтра-то я уже совсем другой!" Вот вам и "система".

Меня угощала чаем Антонина Васильевна Нежданова. Учила играть Елена Фабиановна Гнесина — первые уроки настоящей музыки. С гордостью вспоминаю дружеское внимание ко мне Александра Шамильевича Мелик-Пашаева, Самуила Абрамовича Самосуда, Николая Семеновича Голованова, художников Владимира Владимировича Дмитриева, Федора Федоровича Федоровского... И скольких, скольких еще!..

— Борис Александрович, имеет ли актер право плакать на сцене в опере?

— Надо различать искусство и бытовой натурализм. Когда на сцене "во все тяжкие" показывают секс, — это пошлятина. Натуру делает искусством образное мышление. Сек-

Борис Покровский находит время заниматься и с юными артистами.

на языках оригинала. А я приверженец Мусоргского, Чайковского, Шостаковича, Прокофьева, словом, "дремучий провинциал".

— В газетах писали, что вы начали создавать свой Камерный еще в 1971 году. Почему?

— Большой — храм священный нашей культуры, но его помпезность, сверхмонументальность стали традицией, покушаться на которую было опасно. А мне хотелось не ряженых певцов, а действующих людей, чьи образы раскрываются музыкой. Опера все-таки не концерт, а театр. Искусство оперного пения подчинено драме, как и музыка оперы! Поэтому на гастролях за рубежом пресса и знатоки всегда отмечают музыкально-вокальные компоненты нашей работы. Наши камерные спектакли недостаточно слушать: их надо смотреть.

— Шостакович бывал у вас на репетициях?

— Прошли годы, и теперь меня поражает, потрясает смелость, с которой я некогда репетировал оперу Шостаковича "Нос", идущую у нас 23 года (!), осознавая, что Он сидит рядом... Репетировал, когда за моей спиной сидел Прокофьев. Даже оперу Стравинского репетировал в его личном присутствии. Все они крайне деликатно и бережно относились к тому, что я делал. Ну а если возле тебя какой-нибудь третьесортный композитор, он не-

суальность в искусстве — не порнография; может быть, это просто взгляд актера, устремленный, допустим, на пепельницу, но в этом взгляде вы, зритель, почувствуете стремление персонажа к подлинному "плотоядию"... Не надо настоящих слез: пусть плачет публика.

— Вы согласны с мнением, что нынешнее искусство переживает упадок?

— Что изменилось в последнее время? Каковы времена — таковы нравы. Запомнил слова одного режиссера: "Наша работа начинается с подписания контракта и выдачи денежного аванса, а после выполнения этих двух условий можно приступить и к чтению пьесы". Он, между прочим, шутил. Но сегодня, в свои восемьдесят три года, я эту шутку слишком часто вспоминаю: она оказалась горькой правдой. Рынок! Тем не менее уверен: рядом с рыночным бандитизмом и катастрофическим падением общего уровня культуры в различных сферах искусства вырастает великие силы. Сколько сейчас талантливых детишек-музыкантов! Пианисты, скрипачи, виолончелисты... Поверьте мне, расцвет русского искусства — впереди!

Гостя принимала
Марианна ПЕНЬКОВА.
Фото Виктора АХЛОМОВА.

Покровский Борис